

Жизнь и деяния прозорливого старца, священника Петра Томаницкого

Репринтное издание

Спасо-Преображенский собор г. Рыбинска

ЖИЗНЬ и ДѢЯНІЯ

ПРОЗОРЛИВАГО СТАРЦА

отца Петра Томаницкаго,

заштатнаго священника въ слободѣ Входо-Іерусалимской, близь города Углича.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Г. Фалькъ
1886.

I Издание подготовлено по благословению
епископа Рыбинского и Даниловского Вениамина

Жизнь и деяния прозорливого старца, священника Петра Томаницкого. Репринтное издание книги «Жизнь и деяния прозорливого старца отца Петра Томаницкого, заштатного священника в слободе Входо-Иерусалимской, близ города Углича. (Прот. о. Флегонта Морева). Рыбинск. Типо-Литография Фальк, 1894 г. и № 1 «Церк. Вед.» 1889 г.». - Рыбинский Софийский женский монастырь, 2018 год. - ... с.; с илл.

Священник Петр Томаницкий был духовным руководителем общины Софийского женского монастыря в Рыбинске до его основания и в трудные первые годы строительства. «Подвижник Югского монастыря иеромонах Адриан, строгий ревнитель благочестия и правды, именовал отца Петра святым по жизни и новым Иовом, по безропотному шествию путем злострадний и крайнего убожества, и пред своею кончиною поручил ему свою заботу руководить многолюдную общину сестер, желавших создания особой для себя обители»,- повествует автор жизнеописания отца Петра. Старец был погребен на паперти Софийского собора обители, возрождение которой началось в 2009 году.

ISBN-978-5-9909540-5-2 © Рыбинская епархия, 2018

«СОФИЯ СОЗДА СЕБЕ ДОМ...»*

Строительство Софийского женского монастыря в городе Рыбинске Ярославской области началось в 1860 году. Но православная женская община, приступившая к строительству, была образована значительно раньше - в 40-е годы XIX века. Благословил основание общины иеромонах Адрианова Пошехонского монастыря Адриан, известный в Ярославском крае своей прозорливостью и мудростью. Женщины вели общее хозяйство, вместе трудились и молились, душой стремясь к тому, чтобы основать новый монастырь. После смерти преподобного Адриана духовное наставничество перешло к священнику Иерусалимской слободы Углича Петру Томаницкому, который благословил сестер устраивать монастырь именно в Рыбинске. Отец Петр был настоящим подвижником веры, претерпевшим гонения и клевету, взявшим на себя нелегкий подвиг юродства. О его жизни и рассказывает эта книга, репринтное издание которой поможет возродить память о блаженном старце.

Выбор места для обители и самые важные шаги первых ее лет сестры совершали по благословению отца Петра. Его авторитет в Софийском монастыре был так высок, а память после его кончины в 1864 году почиталась так истово,что, по преданию, портрет отца Петра пребывал в каждой монашеской келье этой рыбинской женской обители. История поиска места под обитель была полна чудесных событий – и для старшей в общине Матроны Гулиной, и для настоятельницы Кашинского Сретенского монастыря игумении

---

* «Премудрость созда Себе Дом...» (Прит. 9:1)

Антонии, и для рыбинского купца первой гильдии Андрея Миклютина, ставшего главным благотворителем Софийского женского монастыря.

К 1917 году в ансамбле Софийского монастыря было четыре храма. Главным из них был Софийский собор. Здесь были еще храм иконы Божией Матери Всех скорбящих Радосте, а также Спасский храм и кладбищенская церковь. По периметру располагались десять двухэтажных корпусов. В сохранившихся руинах восточного корпуса и сегодня сохранился проем ворот, над которым раньше высилась монастырская колокольня. Монастырю принадлежал кирпичный завод, в его состав входили более десятка зданий и флигелей за пределами обители, скотные дворы, риги и сараи для скота. В Рыбинске на Соборной площади размещалось подворье – часовня с просфорней и квартиры для монахинь. Землю на Волжской набережной, в Красных рядах, для подворья монастырю пожертвовал в 1876 году рыбинский купец Василий Иванович Жилов.

В обители было около двухсот насельниц, и к началу XX века она имела особый авторитет «кузницы кадров»: из Софийского женского монастыря вышли основательницы Севастьяновской женской обители в Пошехонье, Вознесенской – в Кинешме, Иверской в Ардаматовском уезде Нижегородской губернии, Казанского Вышневолоцкого монастыря, Иоанно-Предтеченской Леушинской лавры, и других женских монастырей.

Рыбинский Софийский женский монастырь связан с именами многих православных подвижников. Так, Софийский собор в 1863 году был освящен протоиереем Рыбинского Спасо-Преображенского собора Родионом Путятиным – автором многократно изданных поучений и проповедей, известных

всей православной России. Видели эти стены и святого праведного Иоанна Кронштадтского, ежегодно в течение последних десяти лет своей земной жизни бывавшего в Рыбинске.

28 ноября 1923 года Софийский монастырь был закрыт. Рыбинский исполком принял решение разместить здесь детскую колонию. А с 13 августа 1931 года в этих стенах располагается следственный изолятор № 2 Управления исполнения наказаний по Ярославской области.

Но теперь в разрушенный Софийский женский монастырь вернулась жизнь. 5 мая 1915 года Священный Синод принял решение об открытии Софийского женского монастыря в городе Рыбинске. Настоятельницей обители была назначена игумения Серафима (Бубёнова). Восстановлен пока только северо-западный корпус, в котором сегодня размещается домовый храм иконы Божией Матери Нерушимая Стена, а также несколько сестринских келий и трапезная.

Сегодня территория бывшего Софийского монастыря хранит и следы нового времени – начала XXI века, когда совместными усилиями Православной Церкви и руководства исправительного учреждения здесь, за колючей проволокой, был построен небольшой храм святой великомученицы Анастасии Узорешительницы – символ покаяния и надежды. А в 2018 году на территории исправительного учреждения был открыт памятник подвижнику православной веры иерею Петру Томаницкому, а также мемориальные доски в память его и строителя Софийского монастыря Андрея Миклютина. Мы надеемся, что и сегодня основатели Софийского монастыря не оставляют своими молитвами основанную ими обитель.

Преосвященный Вениамин,
епископ Рыбинский и Даниловский

Родиною о. Петра былъ погостъ Якимовскій, Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Въ 1782 году у дьячка того погоста Алексѣя Васильева родился сынъ Петръ; на него, какъ на старшаго, обращено было полное вниманіе по обученію грамотѣ. Въ томъ же селѣ дѣдъ его о. Василій Петровъ былъ священникомъ, и также принималъ немалое участіе въ обученіи внука и преподалъ ему первые уроки христіанскаго благочестія. Въ низшихъ классахъ и въ духовной семинаріи юному Петру пришлось вынести много нужды и горя; но благочестивый дѣдъ, при каждомъ прибытіи юноши на родину, поддерживалъ его своими совѣтами, и невзгоды семинарской жизни и недостатки бѣдности не сломили его духа. Петръ Томаницкій успѣшно переходилъ изъ класса въ классъ и обогащался познаніями. Въ послѣдніе годы семинарскаго ученья многосемейность и бѣдность его родителей вынудили молодого человѣка содержаться на свой счетъ и уже безъ по-

Священникъ отецъ Петръ

собія родительскаго достигнуть окончанія курса наукъ. Средствомъ къ его содержанію послужило умѣнье пѣть. Еще въ первыхъ классахъ семинаріи Томаницкій взятъ былъ въ хоръ пѣвчихъ; изучивши ноту и имѣя пріятный голосъ (басъ), онъ сталъ регентомъ второго архіерейскаго хора и надзирателемъ надъ малолѣтними пѣвчими. Руководя другихъ, юноша и самъ по необходимости долженъ былъ являть въ себѣ опыты жизни кроткой и уживчивой; событія этого времени крѣпко отпечатлѣлись въ памяти молодого семинариста, такъ что онъ во всю свою многолѣтнюю и многотрудную жизнь не переставалъ говорить, что онъ и всегда на правомъ клиросѣ пѣвчій, а на лѣвомъ—регентъ.

По окончаніи курса наукъ Петру Томаницкому, при его благозвучномъ голосѣ, предлагалось дьяконское мѣсто; но это не состоялось. Вскорѣ открылось священническое мѣсто при церкви Іерусалимской слободы, близъ города Углича,—и Томаницкій 5 апрѣля 1807 года посвященъ былъ во іерея къ означенной церкви. Получивъ себѣ мѣсто поступленіемъ въ домъ, отецъ Петръ нашелъ тамъ многое не по своему образу мыслей: въ домашней жизни бѣдность, въ приходскихъ жителяхъ—жестокость нравовъ, въ составѣ служащаго причта распущенность, злорадство и склонность къ кляузамъ, и началъ свое служеніе согласовать съ своими душевными стремленіями. Первые три года священнической дѣятельности прошли спокойно; они были употреблены на чтеніе божественныхъ книгъ и частое совершеніе богослуженія. Такая исполнительность по службѣ и безупречная священническая дѣятельность не понравились членамъ причта. Они замѣчали прибавку труда, но не видѣли увеличенія своихъ причтовыхъ доходовъ, ни особой заботливости о томъ священника, за то возненавидѣли его и завели съ нимъ судебное дѣло, желая перемѣщенія его въ другой приходъ, или же и совершеннаго удаленія его отъ должности. Духовное правленіе было близко, всего въ одной съ половиною верстѣ, въ

городѣ Угличѣ. Члены причта начали подавать прошеніе за прошеніемъ; отца Петра, какъ обвиняемаго, вызвали къ допросу. Обвиненія, изложенныя въ прошеніяхъ, явно были несправедливы и вымышлены; стоило только провѣрить ихъ на мѣстѣ. Но подсудимый, неопытный въ дѣлахъ судебныхъ, не принялъ никакихъ мѣръ къ оправданію, разсчитывая на свою правоту; а духовное правленіе, не разобравши дѣла дознаніемъ на мѣстѣ, присудило его къ трехдневному заключенію въ своемъ холодномъ чуланѣ. Къ узнику не допускали никого. Приходскіе люди не навѣстили своего пастыря въ злостраданіи, а, можетъ быть, и не знали о случившемся. Жаловаться на обиду епархіальному начальству онъ не рѣшился. Ему было извѣстно, что въ составѣ духовнаго правленія находились лица родственныя членамъ его слободского причта, которыя дѣло то, въ случаѣ апелляціи, могли представить въ невыгодномъ свѣтѣ предъ судомъ епархіальнымъ. По минованіи трехдневнаго ареста, узникъ-страдалецъ вновь началъ обычную службу при своей церкви, не сказавши ни слова членамъ причта; при видѣ такого незлобія собрата, вражда его сослуживцевъ не только не утихла, а еще болѣе усилилась и начала дѣйствовать сообща, заговоромъ, не разбирая никакихъ средствъ. Однажды вечеромъ отецъ Петръ, по исправленіи приходской требы, шелъ домой со своимъ причтомъ; спутники неожиданно напали на него и жестоко избили. При высокомъ ростѣ и крѣпкомъ тѣлосложеніи, въ лѣтахъ своего зрѣлаго мужества, этотъ человѣкъ могъ дать сильный отпоръ врагамъ, напавшимъ на него съ такою звѣрскою лютостію, но не рѣшился воздать зломъ за зло. Обиженный такъ нагло, разбойнически, молодой священникъ въ другой разъ перенесъ оскорбленіе и жалобы не учинилъ; но домашніе его стали замѣчать въ немъ съ того времени особенную задумчивость, начавшую часто съ нимъ приключаться. Горько было ему видѣть въ при-

четникахъ такую ожесточенную злобу,—правда и добро для нихъ не существовали.

Наступавшій 1812 годъ принесъ отцу Петру новое испытаніе. Однажды отецъ Петръ совершалъ Божественную литургію въ своей приходской церкви, какъ вдругъ между молящимися поселянами пронесся слухъ, что Наполеонъ входитъ въ Угличъ. Въ храмѣ сдѣлалось смятеніе, шумные крики ужаса прекратили богослуженіе; народъ побѣжалъ изъ церкви, служители храма Божія перепугались и хотѣли уйти вмѣстѣ съ народомъ; съ іереемъ священнодѣйствовавшимъ сдѣлалась страшная перемѣна. Сильный ли испугъ подѣйствовалъ на отца Петра, или нервное потрясеніе произвело въ немъ минутное омраченіе разсудка; только этотъ случай сдѣлался роковымъ и рѣшительно подѣйствовалъ на всю остальную жизнь его. Отецъ Петръ сдѣлался тогда грозно изступленнымъ, готовымъ разить его окружавшихъ. Злобные члены причта воспользовались такимъ событіемъ, насильно разоблачили священника, съ оскорбленіями, біеніями и бранью привели домой и приковали на цѣпь.

Въ разстройствѣ чувствъ, избитый, опозоренный прикованіемъ къ стѣнѣ, отецъ Петръ явился глубоко-потрясеннымъ и, въ полномъ смыслѣ слова, душевно больнымъ. Родные отвезли его въ Ярославскую больницу для излѣченія отъ болѣзни умопомѣшательства. Находясь въ больницѣ, вдали отъ злобной среды, окружавшей его на мѣстѣ служебной дѣятельности, онъ скоро успокоился, выздоровѣлъ и, вернувшись домой, вновь проходилъ свое служеніе весь 1813 годъ. Исправленіе имъ священническихъ обязанностей также было безупречное и обнаруживало въ немъ еще болѣе твердую рѣшимость отрѣшиться отъ всего земного.

Злоба враговъ снова возстала противъ іерея Божія въ изобрѣтеніяхъ лукавства. Діаконъ Димитрій Марковъ однажды позвалъ отца Петра въ гости съ заявленнымъ желаніемъ выпросить прощенія въ нанесенныхъ ему ранѣе оскорбленіяхъ

и, въ доказательство мира, просилъ его выпить поднесеннаго напитка, который смѣшанъ былъ съ ядовитымъ зельемъ. Угощаемый сказалъ хозяину: «сперва тебѣ надобно выпить». Отъ такого приглашенія діаконъ поблѣднѣлъ, смѣшался и не зналъ, что дѣлать. Тогда отецъ Петръ взялъ стаканъ, перекрестился и, тихо говоря: *аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ* (Марк. 16, 18), выпилъ. Онъ не умеръ, но тогда же сдѣлалось съ нимъ дурно. Съ этого дня семейные замѣтили въ отцѣ Петрѣ разительную перемѣну; послѣдовало съ нимъ болѣзненное состояніе. По временамъ являлись въ немъ припадки тревожнаго помѣшательства ума; онъ забывался, билъ себя, убѣгалъ изъ дома, въ чемъ попало, нерѣдко наводилъ ужасъ на окружающихъ его. Послѣ неоднократнаго повторенія такихъ припадковъ, больной началъ предчувствовать сознательно ихъ приближеніе и тогда лично приказывалъ женѣ своей приковывать себя въ своемъ домѣ. «Оксинья! прикуй меня.»

Тревожныя движенія духа повторялись нерѣдко. Въ началѣ 1814 года родные вновь отправили отца Петра въ Ярославль и помѣстили въ домѣ умалишенныхъ; но суровое обращеніе съ больными людей служащихъ до крайности удивило родственниковъ привезеннаго священника. По просьбѣ ихъ, больной былъ скоро отсюда отпущенъ; духовное же начальство, признавая его помѣшаннымъ, 15-го февраля 1814 года уволило его отъ должности и отобрало отъ него священническую грамоту.

Съ этого времечи онъ избралъ для себя путь юродства и шелъ имъ постоянно и мужественно всѣ послѣдующіе годы своей жизни. Предъ массой народа онъ покрывалъ себя мнимымъ разстройствомъ своихъ душевныхъ способностей, говорилъ иногда многое, какъ бы внѣ ума, и не приложимое къ существующему порядку дѣлъ; но и въ мысляхъ своихъ, и въ дѣйствіяхъ силою своей вѣры всегда держался Христова духа и направленія.

Первые годы жизни отца Петра, по возвращеніи изъ Ярославской больницы умалишенныхъ, особенно содѣлались чудными и знаменательными по явному обнаруженію на немъ дѣйствія особеннаго Божественнаго промышленія. Родные сего страдальца держали его прикованнымъ на цѣпи, и народъ боялся его, какъ безумнаго; но Господь даровалъ ему благодатный даръ прозрѣнія тайнъ будущаго и сердецъ человѣческихъ, но вмѣстѣ съ таковымъ даромъ усугубилъ его матеріальную бѣдность. Въ скоро приключившемся, послѣ того времени, пожарѣ сгорѣла вся слобода, и домикъ больного священника сгорѣлъ въ числѣ первыхъ.

Однажды жена отца Петра собралась идти въ Угличъ; прикованный къ стѣнѣ страдалецъ не хотѣлъ ее отпустить и прикровенно открылъ для нея тайну будущаго. «Оксинья не ходи; жарко будетъ». Но жена его не дала себѣ труда вдуматься въ сказанныя ей слова и пошла въ городъ, бросивши мужу ключъ отъ одного какого-то чулана. Спустя не много времени пришла къ отцу Петру сосѣдка посидѣть на завалинкѣ его дома и пожалѣть о его тяжеломъ положеніи: тогда онъ сказалъ пришедшей уже безъ иносказаній: «Ѳедосья! поди домой, у тебя горитъ». Въ домѣ ея дѣйствительно загорѣлось, и выгорѣло все село; домикъ отца Петра истребленъ былъ пожаромъ въ числѣ первыхъ строеній, такъ что съ ключемъ, оставленнымъ ушедшею хозяйкою дома, выбрана была только малая часть ихъ имущества. Самая жизнь человѣка Божія сохранена была отъ опасности, благодаря сердоболію немногихъ христолюбцевъ, которые успѣли придти во время, отковали узника и вывели его изъ загорѣвшагося зданія. Погорѣльцу-узнику было свыше открыто, въ утѣшеніе его скорбнаго духа, что новый домикъ для жительства его съ семействомъ будетъ устроенъ на томъ же самомъ мѣстѣ,—и мужъ, начавшій путь юродства, открылъ это обывателямъ — поселянамъ въ своихъ, свойственныхъ однимъ юродивымъ, причудливыхъ формахъ. Лишь только

потухли оставшіяся головни сгорѣвшаго дома, юродивый сѣлъ на пепелищѣ и никуда не хотѣлъ сойти. Ни просьбы родныхъ, ни угрозы и насилія сосѣдей, ни осенніе вѣтры и дожди, ни частые морозы и непогоды поздней осени,—ни что не могло сжить его съ занятаго имъ мѣста. Сосѣди жители сдѣлали для него тутъ же шалашъ и приковали его къ этому жилищу; на немъ же въ скоромъ времени, при пособіи христолюбцевъ, выстроенъ былъ небольшой двухъэтажный домикъ, въ которомъ прозорливецъ и жилъ до своей смерти.

Въ другой разъ, оставленный неприкованнымъ, отецъ Петръ ушелъ въ городъ Угличъ и тамъ, ходя по улицамъ, не разъ говорилъ: «ухъ, какъ жарко будетъ». Многіе изъ жителей города слышали слова, имъ сказанныя, и не обратили на нихъ вниманія. Вскорѣ, однакожъ, страшное пожарное бѣдствіе опустошило городъ, въ которомъ тѣ самыя улицы и выгорѣли, по которымъ проходилъ Петръ юродивый.

Спустя немало послѣ того времени, случилось отцу Петру отковаться; онъ ушелъ въ Угличъ. Отецъ Петръ увидѣлъ въ городѣ частнаго полицейскаго пристава и обличилъ его въ тайныхъ беззаконіяхъ, бывшихъ никому не извѣстными; обличеніе до такой степени оказалось справедливо и полно, что обличенный приставъ разсердился и, схвативъ обличителя, привелъ его въ полицейское управленіе и такъ жестоко высѣкъ, что вся спина обличителя оказалась израненною. Правда, злого пристава наказали лишеніемъ должности; но и отца Петра снова засадили въ домъ умалишенныхъ въ городѣ Ярославлѣ, какъ будто только для продолженія такого же жестокаго самоуправленія надъ нимъ, какое онъ испыталъ въ Угличѣ отъ полицейскаго частнаго. По времени навѣстили его тамъ родные; но когда онъ вышелъ въ коридоръ проводить ихъ и въ прощальномъ разговорѣ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, сейчасъ же явился сторожъ, съ крикомъ и бранью началъ бичевать заключенника, по чему попало,

и немедленно втолкнулъ его въ камору. Тогда отецъ и сестра, лично увидѣвшіе жестокость обращенія съ душевно-больными, сжалились надъ страдальцемъ, обратились, куда слѣдуетъ, съ прошеніемъ и взяли его къ себѣ домой, хотя это доброе дѣло стоило имъ немалыхъ хлопотъ и значительной траты времени. По прибытіи на мѣсто жительства, родственники отца Петра однажды пригласили его въ Рыбинскъ; тамъ онъ, проходя улицею, гласно вслухъ всѣхъ обличилъ одного поставщика въ тайныхъ его злодѣяніяхъ. Новое истязаніе начало угрожать обличителю неправды; но добрые люди вступились за отца Петра, не дали въ обиду, и онъ, возвращенъ былъ въ домъ родственника, на его поручительство. Описанные два случая умудрили отца Петра; онъ оставилъ навсегда рѣзкій тонъ обличенія порока при столь ясно обнаружившейся его безполезности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ измѣнилъ и образъ своихъ дѣйствій, началъ являться тихимъ, кроткимъ; цѣпи, которыми его ковали, сдѣлались ненужными. Онъ началъ смотрѣть на людей, коснѣющихъ во грѣхѣ, какъ на больныхъ, или же какъ на дѣтей, и мягкими мѣрами рѣшился исправлять немощи и людскіе пороки. Онъ весь предался, по его выраженію, исправленію дѣтскихъ дѣлъ и всѣхъ приходящихъ къ нему руководилъ въ духовныхъ нуждахъ и жизненныхъ затрудненіяхъ, восполняя чужіе недостатки и немощи духовныя силою присущей ему благодати Христовой. Вражда противъ подвижника утихла. Прежніе враги его приходили къ нему за духовною помощію, вмѣстѣ съ другими, чуждыми посѣтителями и, наравнѣ съ ними, получали отъ него благодатныя вразумленія и утѣшенія.

Массы народа, люди разныхъ званій и состояній приходили къ отцу Петру большею частію съ житейскими заботами и скорбями, и рѣдко съ побужденіями благочестивыми; подвижникъ усиливался вводить ихъ въ служеніе Богу духовное и душу и сердце ихъ доводить до осѣненія человѣко-

любивой Христовой благодати, лишь бы понемногу пробуждались они сами къ нравственному самознанію. Способомъ къ сему служили въ рукахъ отца Петра разныя вещицы: камешки, палочки, желѣзки, досточки, которыми уставленъ былъ весь столъ предъ нимъ, и разныя работки надъ этими вещицами; онъ ихъ точилъ, пилилъ, складывалъ, строилъ, ронялъ, и въ работкахъ съ этими вещицами указывалъ внутреннее состояніе души собесѣдника, или же выяснялъ имѣвшій послѣдовать исходъ его дѣятельности. При занятіи такими работками, отецъ Петръ бывалъ всегда въ усиленныхъ движеніяхъ духа и овладѣвалъ мыслью и чувствомъ своихъ посѣтителей, которымъ понемногу становились понятными значеніе и смыслъ его работокъ. Иногда же смыслъ загадочныхъ его дѣйствій становился понятнымъ впослѣдствіи, и именно когда бывало это нужнымъ. Случалось иногда, что отецъ Петръ обращался сурово съ нѣкоторыми изъ посѣтителей, рѣзко намекая на сокровенныя дѣянія, и налагалъ послушаніе очень нелегкое; но никто не смѣлъ выразить и малѣйшаго противорѣчія.

Нерѣдко люди духовнаго званія, получившіе образованіе, облеченные высокимъ саномъ, посѣщали отца Петра,—и тѣ, при всемъ образованіи, находили слова и отвѣты его высокополезными и благотворными. Иногда высказывался онъ и довольно прямо, безъ загадочныхъ выраженій, и это допускалъ по особенно важнымъ предметамъ, напримѣръ: «Церкви не касайся», то-есть не оскорбляй, не колебли ничего церковнаго. Бывало, говорилъ приходящимъ: «правды нѣтъ, такъ что шалите?»—«Надо живши, правду знать». Другимъ говорилъ, внушая необходимость служить Богу всякимъ дѣломъ и во всякое время: «молились бы Богу въ своихъ должностяхъ». Многимъ, безпечно живущимъ безъ мысли о будущемъ, отецъ Петръ выражался: «гдѣ имъ это сдѣлать? гдѣ имъ это знать?» и въ то же время себя, какъ мальчика и слугу, возбуждалъ работать надъ исправленіемъ ихъ дѣт-

ководила другихъ своихъ сверстницъ. По указанію подвижника, онѣ наняли себѣ общую квартиру, завели общій столъ, вмѣстѣ трудились, вели общее хозяйство; каждый день начинался у нихъ молитвою. Нужно-ли было начинать какую-либо работу, Гулина ходила за благословеніемъ къ старцу, и начатое дѣло вѣнчалось добрымъ успѣхомъ. Нужно-ли было произвести какія-либо улучшенія въ квартирѣ или хозяйствѣ, община рѣшалась на это не иначе, какъ по указанію старца. Въ февралѣ 1851 года, по распоряженію епархіальнаго начальства, іеромонахъ Адріанъ переведенъ былъ въ Югскую Дорофееву общежительную пустынь Рыбинскаго уѣзда той-же Ярославской губерніи. И община послѣдовала за своимъ руководителемъ и, по указанію его, нашла себѣ новое мѣсто жительства въ городѣ Мологѣ. Здѣсь, близъ Воскресенской церкви въ Заручьѣ. сестры наняли себѣ большой деревянный флигель и въ немъ, съ благословенія старца, завели вновь общежитіе по примѣру пошехонскаго. Въ новомъ мѣстѣ жительства, какъ и въ Пошехоньѣ, распредѣлены были всѣ часы молитвы и дневныхъ занятій общины по указанію отца Адріана. Но вотъ старецъ началъ болѣть и видимо готовился оставить этотъ многомятежный міръ. Предъ кончиною его собрались старшія изъ сестеръ и, съ глубокою скорбію въ сердцѣ, со слезами на глазахъ, спрашивали старца, что имъ дѣлать? кто станетъ ими руководить? Старецъ предложилъ имъ обратиться къ отцу Петру Томаницкому. «Угличскій старецъ, сказалъ онъ, будетъ лучшимъ, чѣмъ я грѣшный, наставникомъ для васъ и устроителемъ дѣлъ вашихъ; чрезъ него Господь явитъ вамъ Свою великую и богатую милость». Послѣ погребенія іеромонаха Адріана, скончавшагося въ 1853 году, та же старшая сестра Матрона Гулина, съ нѣкоторыми изъ сестеръ, явилась къ отцу Петру и сказала о завѣщаніи отца Адріана. Услышавши о такомъ новомъ для него трудѣ и множествѣ сестеръ, ищущихъ его руководства, новонареченный наставникъ, съ нѣкоторымъ

Старец иеросхимонах Адриан Югский,
основатель общины Софийского монастыря
Гравюра ср. XIX в.

какъ бы юродствомъ, но далеко прозирая впередъ, сказалъ сестрамъ: «о, хо, хо, какую груду камней оставилъ мнѣ отецъ Адріанъ!» Сестры упали къ ногамъ старца и слезно просили его покровительства. Тогда старецъ сказалъ: «будемъ каждый по силкамъ работать Господеви», и благословилъ общину переселиться въ Угличъ. Одна изъ сестеръ, Марья Михайловна, болѣе другихъ смѣлая и рѣшительная, впослѣдствіи монахиня Митрофанія и настоятельница Иверскаго женскаго монастыря въ Нижегородской губерніи, осмѣлилась просить благословенія у старца на начало открытія своего собственнаго монастыря. «А давно бы пора», быстро отвѣчалъ старецъ, и вновь умолкнулъ. «Да гдѣ же, батюшка»? —«Пойди. Рѣка Волга широка и долга». Рѣшено было отправить старшихъ сестеръ водянымъ путемъ по Волгѣ пріискивать пригодное для обители мѣсто. Поиски не увѣнчались успѣхомъ, о чемъ сестры, возвратившись, и сообщили старцу. «То-то дѣвочка», сказалъ отецъ Петръ, обратившись къ будущей монахинѣ Митрофаніи: «по своей дорожкѣ пойдешь, такъ и въ избу не войдешь».—«Батюшка ты нашъ», сказали сестры:—«вѣдь уже наскучила намъ жизнь кочевая».—«Еще успѣете клобуки надѣть», отвѣтилъ старецъ и умолкъ.

Въ пятницу первой недѣли Великаго поста, 7-го февраля 1858 года, явилась на совѣтъ къ отцу Петру игуменія Антонія, изъ рода дворянъ Мезенцевыхъ, настоятельница Кашинскаго женскаго монастыря, и предлагала на его обсужденіе свои монастырскія дѣла. При ней случайно пришли посѣтить старца три сестры общины: Матрона Ивановна Гулина, Марья Дмитріевна Свитина и, извѣстная намъ, Марья Михайловна. Неожиданно для всѣхъ, старецъ обращается къ игуменіи съ строгимъ видомъ и приказываетъ ей: «поѣзжай въ Рыбну монастырь строить». Вечеромъ 8-го февраля путница прибыла въ Рыбинскъ. Девятаго февраля, въ воскресенье послѣ литургіи, узнали о пріѣздѣ игуменіи многіе изъ гражданъ и, въ томъ числѣ, купецъ Андрей Ивановичъ Ми-

клютинъ, который пригласилъ ее къ себѣ. За симъ идетъ длинная исторія, столь знакомая на св. Руси, при построеніи храмовъ и обителей: по нѣкіимъ особеннымъ указаніямъ отыскивается мѣсто, какъ нельзя болѣе для монастыря удобное; внезапно являются болѣе или менѣе крупныя пожертвованія, тщательно скрываемыя отъ людской молвы ради угожденія единому Господу; врагъ спасенія воздвигаетъ затрудненія и препятствія, повидимому, неодолимыя, но всѣ эти препятствія, какъ паутина, разсѣеваются; вначалѣ — бывшіе противники предпріемлемаго во славу Божію дѣла, силою благодати Господней, обращаются въ искреннѣйшихъ его приверженцевъ и покровителей. Дѣло, начатое въ 1858-мъ году, кончается тѣмъ, что въ 1860-мъ году послѣдовало Высочайшее утвержденіе опредѣленія Святѣйшаго Синода объ устроеніи общежительнаго женскаго монастыря во имя Софіи Премудрости Божіей, а въ томъ же году монастырь былъ заложенъ; въ 1861 году назначены были настоятельница и казначея обители, опредѣлены члены причта и освященъ первый храмъ обители; въ 1862 году съ особенною торжественностію былъ освященъ соборный ея храмъ, въ 1865 году утвердился въ обители полный иноческій чинъ, по образу другихъ старѣйшихъ обителей.

Старецъ, руководившій дѣломъ устроенія, нерѣдко удивлялся самъ и другимъ давалъ уразумѣвать въ этомъ дѣлѣ пути особеннаго Промысла Божія. «Чудныя дѣла, чудныя дѣла! какія перемѣночки случились», говорилъ отецъ Петръ, мысленно взирая и удивляясь, какъ мірское и земное бытіе людей поднимается къ жизни церковно-благодатной, какъ духъ Христовъ воздѣйствовалъ въ мірскихъ людяхъ и подвигнулъ ихъ къ устроенію пристанища для подвижницъ, отказавшихся отъ жизни мірской, отъ угожденія плоти, и возлюбившихъ жизнь дѣвственную, богоугодную. На своемъ языкѣ своеобразномъ, старецъ выражалъ эту дивную пере-

мѣну такими словами: «уголья то все равно, что въ церквахъ, что въ кузницѣ раздуваютъ».

Сестры приходили къ старцу съ дѣтскою довѣрчивостію и за то никогда не были лишаемы его назиданія. Для нихъ онъ нѣсколько сбрасывалъ съ себя покровъ юродства, говорилъ съ большею ясностію, чѣмъ съ мірскими посѣтителями, и давалъ уразумѣвать имъ, что ихъ посѣщенія убогаго жилища его не останутся тщетными или же безполезными.

Разъ между сестрами общины возникло разногласіе, отъ разногласія — взаимное охлажденіе и тайное желаніе выйти изъ общины. Съ потерею душевнаго спокойствія, съ колеблющимися думами, пришли онѣ на совѣтъ къ прозорливцу, и онъ радушно говоритъ имъ: «пришли вы ко мнѣ съ дѣломъ, и отъ меня пойдете съ дѣломъ. Похвально ваше дѣло; превосходно оно, какъ вино, и всѣмъ крайне годно. Хорошо добрѣ вино, когда дѣлаемъ одно; прекрасно оно, когда мыслимъ одно. Вотъ какъ въ ульѣ пчела, такъ бы и ваши дѣла». Затѣмъ старецъ долго бесѣдовалъ съ сестрами о предметахъ возвышенныхъ и выяснилъ имъ, какъ необходимо для нихъ отсѣченіе собственной воли и благополезно всегдашнее довольство своимъ жребіемъ. Сестры поняли, что тайная ихъ рѣшимость уйти изъ общины повредитъ дѣлу ихъ спасенія и, взявши благословеніе старца, ушли отъ него съ твердою рѣшимостью всѣмъ остаться въ общинѣ, какова бы ни была судьба ея.

Въ другой разъ одна изъ обитательницъ общины пришла къ отцу Петру къ вечеру дня съ своими духовными сестрами еще задолго до открытія Софійскаго монастыря. Радушно встрѣченныя старцемъ, принявши отъ него назидательный совѣтъ, онѣ остались, по его приказанію, ночевать у него. Предъ ночнымъ упокоеніемъ сестры встали на молитву, а онъ лежалъ, закрывши глаза, у печки на своемъ примосточкѣ. Только одна изъ сестеръ (Александра Васильевна Салтыкова, а въ иночествѣ монахиня Досиѳея), стоя на мо-

литвѣ, подумала: а что, батюшка-то можетъ ли прозирать молитвенное настроеніе молящихся, подобно Сысою Великому? И только что такъ подумала, вдругъ слышитъ, что отецъ Петръ, какъ бы отвѣчая на тѣ сокровенныя мысли, внятно говоритъ: «Богъ-то все тотъ же, что и при Сысоѣ Великомъ». Это такъ поразило сестру, что она, вставши съ молитвы, упала къ ногамъ старца съ словами раскаянія и сказала: «простите, батюшка, вѣдь я въ васъ усомнилась»; а старецъ отвѣчалъ ей; «что ты, что ты? Поди, сядь; я ничего не знаю». Слова, сказанныя отцомъ Петромъ, слышали и другія сестры, бывшія тогда у старца. Утромъ, возвращаясь въ общину, сестры уяснили себѣ это выраженіе прозорливца, и немало дивились его благодатному вѣдѣнію.

По устроеніи главнаго въ Рыбинскомъ монастырѣ Софійскаго храма наступило время поднятія крестовъ на главы сооруженнаго зданія. Къ означенному торжеству приглашенъ былъ и нарочно прибылъ изъ Іерусалимской слободы и отецъ Петръ. Когда подняты были кресты, старецъ проговорилъ: «кресты устоятъ; я ихъ самъ поднималъ». Слова эти тогда сочтены были не имѣющимъ особаго значенія говоромъ старца юродиваго и сохранились въ памяти слышавшихъ единственно по ихъ странности. Но послѣдствія оправдали ихъ съ замѣчательною точностію. Все въ храмѣ обветшало и передѣлано было вновь не болѣе, какъ черезъ пятнадцать лѣтъ времени, а кресты устояли и остались въ томъ же видѣ, какъ устроены первоначально.

Строитель монастыря Андрей Ивановичъ Миклютинъ, купивши для устройства обители около шестнадцати десятинъ земли, отдѣлилъ отъ нея болѣе десятины въ свою пользу и жилъ въ построенномъ на томъ участкѣ флигелѣ, сказывая всѣмъ, что эта земля его собственность, пріобрѣтенная имъ сверхъ пожертвованной для монастыря земли. Показавши прибывшему старцу всѣ монастырскія зданія, строитель вышелъ за ограду и показалъ гостю свою близъ лежащую дачу,

говоря: «а это вотъ, батюшка, моя усадьбица». Старецъ, взглянувъ на усадьбу и на самого ея обитателя, проговорилъ: «пядію измѣрялъ еси... да вѣдь отымутъ». И слово старца исполнилось послѣ его блаженной кончины. Смѣнились по управленію обителью двѣ настоятельницы: Софія и игуменія Серафима. При игуменіи Евгеніи послѣдовали отъ сосѣднихъ владѣльцевъ заявленія и жалобы, что монастыремъ будто бы занята часть земли, обители не принадлежащей. Въ устраненіе пререканій игуменія потребовала землемѣра и пригласила сосѣднихъ владѣльцевъ прислать довѣренныхъ для присутствованія при обходѣ пограничныхъ спорныхъ линій. По обмѣркѣ земли оказалось, что дача Андрея Ивановича входитъ въ число пятнадцати десятинъ съ саженями, принадлежащихъ монастырю. Землемѣромъ были затребованы документы на право владѣнія земельнымъ участкомъ Миклютина, но никакихъ документовъ на землю ту не оказалось. Несмотря на это, Андрей Ивановичъ хотѣлъ строить на дачѣ той каменный домъ. Тогда игуменія обратилась къ преосвященному архіепископу Димитрію съ прошеніемъ и ходатайствомъ о дозволеніи строителю обители возвести каменное для себя зданіе на монастырской землѣ. Дозволеніе на такую постройку получено, но условное, на правѣ арендnаго владѣнія землею. Но строитель монастыря не согласился арендовать ту землю и устроилъ себѣ домъ на землѣ частнаго владѣльца, и тоже не въ дальнемъ разстояніи отъ монастыря; а бывшая усадьбица Миклютина, какъ предрекъ старецъ, поступила въ монастырское владѣніе.

Игуменія Евгенія, выслушивая разсказы объ отцѣ Петрѣ, однажды передала слѣдующее. Слѣдуя къ мѣсту своего новаго назначенія въ Рыбинскъ, мы съ матушкой (покойной игуменіею Серафимою) остановились въ Угличѣ съ намѣреніемъ побывать у отца Петра, о которомъ многое слышали отъ Андрея Ивановича, бывши въ Петербургѣ. О нашемъ назначеніи, а тѣмъ болѣе о намѣреніи посѣтить старца, онъ

знать не могъ. Но когда мы вошли къ нему, онъ торопливо одѣлся въ подрясникъ. Это насъ нисколько не удивило; но присутствовавшіе въ домѣ старца замѣтили это дѣйствіе и послѣ объяснили намъ, что отецъ Петръ дома почти ни для кого не надѣвалъ подрясника. Въ домикѣ старца стоялъ въ то время посошокъ съ крестикомъ на верху. При видѣ посошка кто-то изъ нашихъ, указывая на матушку, сказалъ: благословите, батюшка, этимъ посошкомъ нашу матушку, на что онъ къ удивленію всѣхъ отвѣтилъ: «она причастница». Удивляясь прозорливости старца, мы не смѣли болѣе скрываться и сказали ему о своемъ назначеніи. Отецъ Петръ бесѣдовалъ съ нами долго; но когда мы, спѣша на пароходъ, стали со старцемъ прощаться, онъ проговорилъ, благословляя насъ: «а я думалъ, вы у меня ночуете». Пріѣхавши къ пароходной пристани, узнали мы, что пароходъ уже ушелъ, и снова отправились къ старцу, который, при видѣ насъ, сказалъ: «я такъ и думалъ, что вы у меня ночуете».

При жизни Ксеніи Ивановны, супруги отца Петра, жила при нихъ много лѣтъ въ качествѣ прислуги крестьянка Авдотья Аѳанасьева. Замѣтивши однажды намѣреніе отца Петра жечь принесенныя ему посѣтителями деньги, она поспѣшила остановить его, говоря: «что ты, батюшка, дѣлаешь? Отдай-ка, отдай мнѣ деньги». Отецъ Петръ, какъ будто обиженный, съ улыбкою въ лицѣ, проговорилъ: «на, на, жадная; умрешь, такъ по тебѣ и Святый-то Боже пѣть не будутъ». На это Аѳанасьева съ сердцемъ проговорила: «что я некрещеная что ли?» Однакоже слова старца запечатлѣлись въ сердцѣ крестьянки. Знала она, что слова его сбываются съ поразительною точностію, и немало боялась своей будущей кончины. Не потонуть бы въ рѣкѣ, не сгорѣть бы въ огнѣ, думала Аѳанасьева, и тѣмъ усерднѣе молилась Богу сохранить ее отъ такой смерти, равно какъ и всякаго православнаго христіанина. По смерти отца Петра, она поступила въ Софійскій монастырь, жила благочестиво и сконча-

лась въ первый день святыя Пасхи, такъ что по ней, дѣйствительно, не пѣли «Трисвятаго».

Священникъ села Михаило-Архангельскаго, по имени тоже Петръ, часто бывалъ у старца и, возвращаясь отъ него домой, случайно наѣхалъ на камень; телѣга опрокинулась и придавила его собою, такъ что при всѣхъ усиліяхъ не могъ изъ подъ нея выбраться. Вскорѣ послѣ того пришла къ отцу Петру за совѣтомъ одна женщина того же прихода; но старецъ, не давъ ей сказать ни одного слова, сталъ гнать ее вонъ: «поди, поди домой-то скорѣе, тамъ не гоже», и повторилъ то не одинъ разъ. Женщина подумала: видно дома что-нибудь вышло не ладно, бросилась бѣжать домой, на дорогѣ наткнулась на опрокинутую телѣгу и услышала голосъ стонавшаго человѣка. Поднявши телѣгу, она удивилась прозорливости пославшаго ее старца и обрадовалась за избавленіе своего священника, къ которому питала глубокое уваженіе.

Одинъ угличанинъ Аркадій Петровъ, дѣлавшій все по благословенію отца Петра, былъ однажды въ страшной опасности за свое судно, нагруженное товаромъ. Два большихъ судна, сорвавшись съ якоря, гонимыя вѣтромъ, угрожали гибелью его лодкѣ. Но суда тѣ, вблизи лодки Петрова, неожиданно сдѣлали уклонъ въ сторону и разбились о мякшанъ. Приписывая избавленіе отъ опасности молитвенной помощи отца Петра, угличанинъ, возвратившись домой, явился благодарить старца за помощь и, не успѣвши переступить за порогъ дома, услышалъ отъ старца привѣтственныя слова: не оставилъ и никогда не оставлю.

Угличская мѣщанка А. Жукова пришла однажды къ отцу Петру съ цѣлію вывѣдать, кто у нея таскалъ яйца. Старецъ встрѣтилъ ее неожиданнымъ вопросомъ: «а ты съ яйцами то почто? поди, я вашихъ дѣловъ не знаю». Въ другое время она пришла спросить о своемъ больномъ мужѣ. Старецъ, не говоря ни слова, взялъ въ руки рубанокъ, немедленно началъ

строгать доску и, нѣсколько поработавъ, легъ и сомкнулъ глаза, чѣмъ далъ ей понять имѣющую послѣдовать скорую смерть ея мужа, что и исполнилось.

Угличскій купецъ Дмитрій Ожеговъ по смерти братьевъ принужденъ былъ платить долги ихъ. Благоразумные кредиторы сдѣлали скидку извѣстной части долга; но одинъ изъ нихъ потребовалъ полной уплаты долга и засадилъ должника въ долговое отдѣленіе, гдѣ отъ горя и стыда онъ упадалъ духомъ и страдалъ невыносимо. Одинъ изъ его родственниковъ, сочувствуя такой безпомощности положенія, пошелъ къ отцу Петру и просилъ его помолиться за узника. Старецъ самъ бывалъ заключенникомъ и опытно зналъ тяжесть тюремной жизни, но ничего не сказалъ просителю, а только велѣлъ ему побывать въ тюрьмѣ послѣ вечерни. Въ назначенное время приходитъ онъ въ тюрьму, видитъ заключеннаго веселымъ и спокойнымъ, и слышитъ отъ него разсказъ: «Сейчасъ я только проснулся и видѣлъ чудный сонъ. Ко мнѣ приходилъ батюшка отецъ Петръ и какъ же онъ утѣшилъ меня»!

Пришла однажды къ отцу Петру дѣвица легкаго поведенія просить благословенія выдти замужъ. «Да у тебя, сказалъ старецъ, и такъ семь мужей». Дѣвица заплакала и, упавши въ ноги старцу, говоритъ: «благословите, батюшка, за одного изъ нихъ». Но старецъ не замѣтилъ въ ней рѣшимости жить воздержно и сказалъ ей: «поди, больше я не знаю».

Одинъ изъ священнослужителей Церкви, ревнуя о духовномъ просвѣщеніи Россіи, въ разговорѣ съ прозорливымъ старцемъ, со слезами умолялъ его помочь молитвами скорѣе выпутаться русской мысли изъ темныхъ направленій. Тогда старецъ Божій далъ ему понять, что остановки Божьяго дѣла быть не можетъ, но и произвола человѣческаго нечѣмъ остановить. «Ничѣмъ не помочь, говорилъ онъ, надо молиться Богу, а все хорошо». И послѣ того высказалъ, что во всемъ мірѣ, только еще безсознательно съ его стороны, идетъ обно-

вительное для него движеніе духовное, какъ бы новое духовное твореніе; это выражалъ отецъ Петръ въ примѣненіи къ нашей современности словами книги Бытія: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Земля же бѣ невидима и неустроена и тьма верху бездны; и Духъ Божій ношашеся верху воды* (Быт. 1, 1—2). Всеоживляющій Божественный Духъ, ниспосланный по обѣтованію Христову, привноситъ непрестанное обновленіе въ человѣческій міръ и, незримо для человѣчества, разгоняетъ мракъ заблужденій и уничтожаетъ растлѣніе нравовъ, упраздняя ветхія формы жизни человѣческихъ обществъ, царствъ, народовъ, поколѣній. По взглядамъ отца Петра, въ мірѣ христіанскомъ, слишкомъ изветшавшемъ то любодѣйными, разнообразными измѣнами Христу, то убійственною безпощадностію къ грѣшнымъ людямъ, имѣетъ обновиться духъ правый, воспитаться и возрасти живой и человѣколюбивый духъ Христовъ. И потому нерѣдко взывалъ отецъ Петръ за себя и весь міръ земной: помилуй мя, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей.

Одинъ Мологскій мѣщанинъ Алексѣй Ѳедоровъ, проживая въ Рыбинскѣ на фабрикѣ купца Журавлева, еще при крѣпостной зависимости крестьянъ, задумалъ жениться на крѣпостной дѣвушкѣ, по имени Варварѣ, неизвѣстной его родителямъ, за которую еще нужно было внести сто рублей выкупа, а родственники его, Ѳедорова, совѣтовали ему взять невѣсту другую. Въ раздумьѣ, какъ поступить въ столь важномъ для него дѣлѣ, онъ пошелъ къ отцу Петру на совѣтъ и благословеніе, но вмѣстѣ съ Ѳедоровымъ увязался его товарищъ по службѣ, конюхъ и уже человѣкъ женатый, и дорогою при своемъ строптивомъ и насмѣшливомъ характерѣ говорилъ Ѳедорову: «и я спрошу юродиваго старца, благословитъ ли и мнѣ жениться!»—«Такъ что же, спроси, отвѣтилъ ему безъ размышленія Ѳедоровъ; вотъ и хорошо». Пришли они къ отцу Петру, а у него въ избѣ народу много; самъ же старецъ лежалъ на печи. Но только вошли Ѳедо-

ровъ и конюхъ-спутникъ его въ мѣсто жительства старца, какъ вдругъ старецъ всталъ, сошелъ съ печи и сталъ волноваться, терзать свое скудное рубище и высказывать недовольство въ притчахъ со строгостію и трогательностію въ словахъ. Находившіеся въ избѣ напугались, увидѣвши старца взволнованнымъ, и стали выходить вонъ. Сробѣлъ и товарищъ Ѳедорова, и тотъ вышелъ, и остался въ комнатѣ только онъ, Ѳедоровъ. Тогда отецъ Петръ вдругъ пришелъ въ себя и успокоился. На просьбу Ѳедорова, благословить его жениться, прозорливый старецъ посмотрѣлъ на него и сказалъ: «Богъ благословитъ, женись; Варвара будетъ жена хорошая». А старцу имя невѣсты Ѳедорова не было сказано. Слово старца исполнилось. Ѳедоровъ, несмотря на препятствія, женился на любимой своей невѣстѣ Варварѣ, только жилъ недолго; вдова же его не упала духомъ въ приключившейся скорби, несла терпѣливо крестъ вдовства и жила скромно въ трудахъ по найму.

Въ 1865 году, за годъ до своей смерти, прозорливый старецъ, бесѣдуя съ монахинею Софійскаго монастыря Сергіею, предсказалъ ей будущую ея судьбу въ слѣдующихъ словахъ: «ну, что, большая голова, матушка, матушка! А каково-то матушкѣ? Вѣдь я церковь-то поставилъ деревянную не добрѣ дорого, только десять лѣтъ строилъ, а теперь можно назвать и Ѳеофановъ (Богоявленный) монастырь. Я за перевозы-то гривенникъ далъ. А ты (и опять старецъ посмотрѣлъ на монахиню и сказалъ), ты въ моёмъ-то и пребывай на покоѣ, подлѣ меня будешь жить». Слова эти остались въ памяти у слышавшей ихъ монахини. По смерти старца она не придавала имъ большого значенія; но случившееся чрезъ восемь лѣтъ событіе живо напомнило Сергіи данное ей предсказаніе. Въ 1874 году, по сношеніи съ Ярославскимъ епархіальнымъ начальствомъ, мать Сергія была вызвана митрополитомъ Исидоромъ въ новую Леушинскую женскую общину Новгородской губерніи, въ начальницы. Когда монахинѣ Сергіи, какъ на-

чальницѣ, стали сдавать приходскую въ томъ селеніи церковь, то въ церковной кружкѣ она увидѣла завернутый въ бумажкѣ гривенникъ и тотчасъ же спросила у старосты: «что это за гривенникъ, и для чего онъ завернутъ въ бумажку», и получила отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Предъ освященіемъ ихъ церкви, крестьянка-сборщица изъ ближней деревни (Кергайской) Авдотья Назарова, бывши въ Угличѣ, заходила къ отцу Петру и просила его помолиться о благоуспѣшномъ устроеніи церковнаго ихъ дѣла; тогда прозорливый старецъ благословилъ ее, послалъ съ ней въ церковь гривенникъ и велѣлъ хранить его въ кружкѣ». При взглядѣ на этотъ гривенникъ, Сергія живо припомнила бывшее ей предреченіе почившаго человѣка Божія, соединенное съ поименованіемъ гривенника, и подивилась дивному прозрѣнію старца въ тайны будущаго. Что могъ сохраниться чрезъ много лѣтъ ничтожный гривенникъ, данный случайно, и послужить напоминаніемъ о предреченіи, это не могло иначе совершиться, какъ по изволенію вседѣйствующей премудрости Божіей. Вскорѣ послѣ того и другая часть старцева изреченія исполнилась съ удивительною точностію. Сергія состояла настоятельницею недолго, съ небольшимъ два года, и, при строптномъ духѣ сестеръ, не желавшихъ являть ей должнаго послушанія, отказалась отъ управленія общиною и возвратилась въ свой любимый Софійскій монастырь и, что ранѣе было совсѣмъ не понятно, стала жить подлѣ отца Петра, который съ 1866 года покоится тѣломъ своимъ въ томъ же Рыбинскомъ Софійскомъ женскомъ монастырѣ.

Но особенно дивное проявленіе прозорливости отца Петра представляетъ непрерывная нить руководственныхъ совѣтовъ старца, въ свое время преподанныхъ настоятельницѣ Кашинскаго Срѣтенскаго женскаго монастыря игуменіи Антоніи. Приведемъ здѣсь разсказъ о томъ самой настоятельницы. «Божіимъ попущеніемъ за грѣхи наши обыватели крестьяне начали притѣснять обитель нашу въ пустоши, находящейся

Софийский храм Софийского монастыря. и его интерьер.
Фото начала XX века

отъ Кашинскаго монастыря въ двѣнадцати верстахъ; кортомнаго содержанія въ годъ, за 30 десят. 1621 сажень ея вмѣстимости, они давали не болѣе семнадцати рублей и при этомъ держали ту землю въ небреженіи, безъ должнаго удобренія, а лѣсъ почти весь истребили. Тогда я рѣшилась просить благословенія у батюшки отца Петра оставить ту пустошь за собою, чтобы завести на ней скотный дворъ и учредить свое собственное монастырское хозяйство. Батюшка нѣсколько разъ спрашивалъ: «далеко ли эта пустошь отъ Кашина», и затѣмъ началъ про себя говорить что-то высокое и непонятное для моего разума. Говорилъ онъ и слова псалма 64-го: посѣтилъ еси землю, и упоилъ еси ю, умножилъ еси обогатити ю... Разбогатѣютъ красныя пустыни, и радостію холми препояшутся. Одѣяшася овни овчіи, и удолія умножатъ пшеницу: воззовутъ, ибо воспоютъ». Въ бытность батюшки у меня, пріемля благословеніе на обработку пустоши, я просила его благословить мѣсто. Старецъ охотно съѣздилъ и благословилъ, но благословеніе его было столь высоко и таинственно, что явилось недоступнымъ моему разуму. Запомнила я только то изъ словъ его, что мѣсто это будетъ свято, и живущихъ на немъ будетъ много святыхъ. Скотный дворъ скоро былъ выстроенъ, запашка заведена,— а батюшка началъ говорить, что тутъ будетъ церковь во имя святыхъ Петра и Онуфрія, и какъ-то совсѣмъ неожиданно прислалъ икону святаго Петра Аѳонскаго и преподобнаго Сильвестра въ благословеніе на начало и устройство пустынной церкви, и въ то же время благословилъ ставить на землѣ той кирпичный заводъ. Началась выдѣлка кирпича, который совершенно кстати понадобился и на постройку монастырскаго корпуса, а отъ построенія церкви отказывалась я два года. Онъ же старецъ, напоминая о постройкѣ, часто повторялъ мнѣ выраженія о Господѣ Богѣ: Всесильный, Всемогущій, Всеблагій, давая тѣмъ понять, что для Господа все возможно; но скудная вѣра моя препятствовала понимать ясно и свѣтло

Многострадальная старица Сергия,
молчальница Софийского монастыря,
первоначальница Леушинской обители
Снимок кон. XIX в.

обращенныя ко мнѣ слова старца, что и навело на меня многія испытанія.

Разъ старецъ, на первой недѣлѣ Великаго поста, прислалъ наказъ прибыть къ нему и отправиться въ Рыбинскъ на послушаніе—строить монастырь. Искони поставлено въ обителяхъ: недѣлю ту посвящать исполненію христіанскаго долга исповѣди и принятія Святыхъ Христовыхъ Таинъ; я же, тронувшись скорбію посланныхъ сестеръ, явилась къ призывавшему старцу, чтобы заявить о неисполнимости его порученія; но батюшка сталъ гнѣваться, всталъ предъ иконами и грозно сказалъ, что все потеряю, если не исполню послушанія. Не могу припомнить, какими словами онъ выразилъ гнѣвъ свой; только такой страхъ обуялъ меня, какого еще никогда я не испытывала. Въ страхѣ за свое спасеніе, при непослушаніи волѣ человѣка Божія, я рѣшилась слѣдовать въ Рыбинскъ безъ вѣдома своего епархіальнаго начальства, безъ видимости на отлучку изъ своего мѣстопребыванія; и куда же инокинѣ-путницѣ прибыть въ первый разъ въ незнакомомъ городѣ, какъ не въ соборный храмъ Божій съ молитвою о помощи себѣ Божіей?... Изъ собора стали меня звать въ дома именитыхъ жителей; вездѣ я заявляла волю пославшаго меня старца и вскорѣ получила искомое въ лицѣ почетнаго гражданина Андрея Ивановича Миклютина въ такихъ размѣрахъ, какихъ и въ помышленіи не имѣла. На построеніе монастыря предложены были и деньги, двадцать пять тысячъ рублей, и вполнѣ удобная для созданія обители земля, и опытный строитель, и скорое начатіе самаго дѣла. Это былъ первый урокъ моему невѣрію въ могущество Божіе по молитвамъ и силѣ духа старца, властно дѣйствовавшаго, тѣмъ болѣе для меня замѣчательный, что старецъ, провожая меня въ Рыбинскъ, такъ свѣтло провидѣлъ будущее, что велѣлъ посмотрѣть и мѣстечко для имѣющей созидаться обители. Нежданно, нечаянно я выполнила и это приказаніе старца, видѣла и осмотрѣла мѣсто. Земля осмотрѣнная находилась

въ рукахъ иногороднаго владѣльца, и Миклютинъ купилъ эту землю за двѣ тысячи рублей; а потомъ другія лица охотно предлагали ему за нее до пяти тысячъ рублей. За покупкою земли тотчасъ же возникло и дѣло о построеніи Рыбинскаго монастыря,—и обитель для дѣвъ и вдовицъ милостію Божіею въ скоромъ времени начата построеніемъ.

Былъ и другой чувствительный урокъ моему маловѣрію, когда старецъ послалъ меня къ умирающей старушкѣ, которая, не знавши моего убожества, назначила меня душеприказчицею своего имѣнія. Отказаться отъ порученія было невозможно, ибо дѣло то велось по благословенію старца. Она завѣщала Рыбинскому монастырю пять тысячъ рублей билетами отъ неизвѣстнаго, много иконъ, священныхъ книгъ и всякаго движимаго имѣнія и, кромѣ того, назначила получать оброки и отсылать ихъ въ Рыбинскъ. По малодушію моему я тяготилась выполненіемъ этого дѣла, однакоже, какъ умѣла, вела его нѣсколько времени и послѣ, съ одной вѣрной женщиной, препроводила всѣ билеты болѣе пяти тысячъ къ Андрею Ивановичу; но Миклютинъ отвѣтилъ, что имъ принято вовсе не пять тысячъ рублей, а восемь съ приращеніемъ, оказавшимся въ наросшихъ процентахъ. Это былъ другой урокъ вѣры во всемогущество Божіе и довѣрія къ словамъ и благословенію старца моего, который безъ Бога ничего не дѣлалъ и потому всегда успѣвалъ въ дѣлахъ благочестія.

Послѣ такихъ уроковъ и еще не разъ приходилось мнѣ слышать напоминанія отъ старца — строить церковь на пустоши нашей Кашинской обители, вслѣдствіе чего я рѣшилась просить объ устройствѣ церкви. За такое домогательство начали меня бранить и ближніе, и дальніе, и дѣла мои трактовать съ небреженіемъ, отчего я упала духомъ и скорбѣла. Отъ старца не укрылось мое малодушіе. Онъ началъ меня посылать въ Москву, но зачѣмъ? Этого не могла я понять, доколѣ не увидѣла на самомъ дѣлѣ плодовъ послуша-

нія. «Побывай и прими благословеніе у митрополита», наказывалъ старецъ, и это принесло самыя благія послѣдствія. Владыка посадилъ меня и началъ разспрашивать о монастырѣ; дошелъ разговоръ и до пустоши и желанія создать на ней храмъ Божій,—и онъ обѣщалъ свое ходатайство предъ Синодомъ и написалъ мнѣ письмо къ нашему святому владыкѣ Филоѳею. Намѣстникъ же Сергіевой лавры сочинилъ мнѣ новое прошеніе, совершенно инаковое противъ моего прежняго, что и было высказано мною; но намѣстникъ замѣтилъ, что сыны вѣка сего премудрѣе сыновъ свѣта (Лук. 16, 8). Прежнее прошеніе мое написано было по благословенію сына свѣта, но не имѣло успѣха; вотъ батюшка и послалъ меня къ премудрымъ вѣка сего, и дѣло мое разсмотрѣно обстоятельно и приняло благопріятный исходъ въ своемъ окончательномъ рѣшеніи.

А между тѣмъ, до разрѣшенія построенія церкви послѣдовало обстоятельство, навлекшее на меня поношеніе и укоризны отъ всѣхъ знающихъ меня. Бутъ и цоколь церкви мною были произведены до полученія начальственнаго о церкви разрѣшенія единственно по благословенію отца Петра и еще архимандрита Аѳонскаго Ксеновскаго монастыря Матѳея. Когда шло дѣло о созданіи церкви, лѣтомъ привезены были въ Кашинъ архимандритомъ тѣмъ святыя мощи святыхъ Греческихъ. Узнавши о нашей скорби, онъ пожелалъ обнести ихъ съ молебствіемъ вокругъ мѣста, назначеннаго для построенія церкви, и отправился на монастырскую пустошь. Когда служили тамъ молебныя пѣнія для сторонніхъ богомольцевъ, архимандритъ Матѳей, безъ вѣдома моего, пошелъ искать мѣсто для церкви и избралъ то самое, которое раньше избрано и благословлено старцемъ Петромъ Угличскимъ, что необычайно поразило меня, а вмѣстѣ и укрѣпило въ вѣрѣ, что церковь, желаемая къ построенію, предуказана угличскимъ прозорливцемъ не случайно, а по благоизволенію воли Божіей. Въ виду двукратнаго указанія одного и того же мѣ-

ста для храма Божія, я согласилась на избраніе мѣста для святаго престола; и лишь только архимандритъ Матѳей началъ класть первые камни для бута и благословлять преднамѣренное священное зданіе, съ молитвою на Греческомъ языкѣ, вдругъ послѣдовало знаменіе: рой пчелъ прилетѣлъ на мѣсто, избранное для церкви, и покрылъ его, и скоро отдался людямъ собрать себя и поставить подлѣ мѣста, избраннаго для церкви. При этомъ случаѣ архимандритъ предрекъ многое о мѣстѣ семъ, переданное переводчикомъ, что отчасти уже и сбылось, а остальное въ той же всеблагой волѣ Божіей. Въ скоромъ послѣ того времени мною назначенъ былъ крестный ходъ изъ нашего Кашинскаго монастыря съ принесенными святыми мощами архидіакона Стефана, великомученика Ѳеодора Тирона и великомученика Георгія для торжественнаго освященія въ пустыни мѣста, избраннаго для созданія церкви, и лишь только стало совершаться обхожденіе того мѣста съ мощами Святыхъ, новый рой пчелъ, опять неожиданно для всѣхъ, прилетѣлъ и покрылъ собою мѣсто для церкви, ранѣе покрытое первымъ прилетѣвшимъ роемъ. Тогда я не усомнилась, по совершеніи водоосвященія, дозволить заложить бутъ преднамѣренной церкви во имя святыхъ Петра Аѳонскаго и Онуфрія Великаго, и первый камень закладки зданія положенъ священною рукою Греческаго архимандрита Матѳея. Знаменія сіи были для тѣхъ присутствующихъ, которые малодушествовали и удивлялись, что по однимъ благословеніямъ старческимъ, до разрѣшенія Святѣйшаго Синода, заложена постройкою желаемая церковь. Послѣ они сами сознались, что просили знаменія отъ Господа, если дѣло это благоугодно Господу, и знаменіе для маловѣрныхъ не умедлило воспослѣдовать. Того же лѣта на священномъ мѣстѣ выкладенъ былъ цоколь всей церкви, за что мнѣ предрекали подначальство и ссылку и посылали тайныя жалобы святому Владыкѣ нашему Филоѳею. Такія пререканія и жалобы расположили меня вести это

дѣло лично отъ себя, безъ посредства сестеръ, чтобы ни одна изъ нихъ не могла нести отвѣтственности за мои дѣйствія. Прошла затѣмъ тревожная зима ожиданій, какъ на первой недѣлѣ Великаго поста 1863 года получено изъ Святѣйшаго Синода желаемое разрѣшеніе строить церковь. Это извѣстіе принесло мнѣ величайшую радость, но не умедлило вызвать и новыя думы и заботы о средствахъ для сооруженія разрѣшеннаго къ постройкѣ храма Божія. Пожертвованій не было, слухи о замедленіи дѣла объ устройствѣ храма охладили усердствующихъ; просить же въ одолженіе угличскій старецъ не благословлялъ. Я вспомнила тогда чудеса, явленныя въ устроеніи женской обители Рыбинской, и вѣрою въ Промыслъ Божій укрѣпляла себя въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, каковое упованіе и не постыдило меня. Въ день исповѣди пришла ко мнѣ неизвѣстная женщина и вручила мнѣ значительную сумму на устроеніе храма билетами и расписками на шесть тысячъ рублей. Правда, расписки были весьма сомнительны, да притомъ еще часть денегъ была отдана тою женщиною на сохраненіе одному священнику безъ всякой расписки, что наводило сомнѣніе на возможность полученія предложенныхъ суммъ. Мы въ немаломъ раздумьѣ, поѣхали къ батюшкѣ отцу Петру показать тѣ бумаги; но старецъ похвалилъ ихъ и завѣрилъ насъ, что деньги по такимъ распискамъ получить можно, и тутъ же отдалъ всѣ тѣ росписки одному чиновнику, прибывшему принять его благословеніе. И для чиновника бумаги тѣ казались сомнительными, но, по вѣрѣ въ благословеніе прозорливаго старца, онъ принялъ на себя трудъ взысканія и впослѣдствіи получилъ всѣ деньги сполна. На эти суммы и имъ подобныя и сооруженъ былъ пустынный храмъ святыхъ Петра Аѳонскаго и Онуфрія Великаго подъ названіемъ «Кладбищенской церкви Кашинскаго Срѣтенскаго женскаго монастыря».

Во время производства церковныхъ работъ, присовоку-

пляетъ игуменія, также немало было дивныхъ знаменій въ укрѣпленіе нашего упованія. Такъ Господь послалъ опытнаго надзирателя за работами въ лицѣ одного заштатнаго священника, который и смотрѣлъ за постройкою и совершалъ всенощныя бдѣнія въ сооружаемомъ храмѣ во все время производства работъ. Не одинъ разъ замѣчено было, что голуби летали надъ церковію въ видѣ вѣнца; въ другой разъ виденъ былъ радужный лучъ надъ крестомъ сооруженнаго храма, что усмотрѣли ѣхавшіе къ церкви той изъ города Кашина. И всѣ эти благодатныя дѣйствія явлены были въ виду слабыхъ и немощныхъ сестеръ обители за молитвы и благословеніе старца угличскаго, который въ Божіемъ всевѣдѣніи ясно провидѣлъ будущее и выполнилъ созданіе храма Божія необычными и, поистинѣ, дивными средствами.

Въ жизни отца Петра было немало случаевъ, гдѣ онъ проявилъ себя цѣлителемъ немощныхъ. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ.

У Мышкинскаго купца Чистова жилъ на мельницѣ приказчикъ Егоръ Столбовъ. Его разбилъ параличъ, вслѣдствіе чего онъ остался безъ мѣста, долго лѣчился, истратился, но не получилъ крѣпости силъ. Знакомые присовѣтовали ему съѣздить въ Угличъ къ Іерусалимскому отцу Петру. Старецъ встрѣтилъ его словами: «счастливъ, счастливъ», и велѣлъ ему сидѣть. Прошло немного времени. Вдругъ отецъ Петръ приказываетъ ему отправить сейчасъ же лошадь въ городъ. Больной удивленно посмотрѣлъ на старца, который настаивалъ на своемъ, говоря: «ничего, ничего, и самъ дойдешь». Больной повѣрилъ словамъ старца и отпустилъ лошадь. Чрезъ нѣсколько часовъ отецъ Петръ приказалъ больному встать и идти въ Угличъ, и онъ, сверхъ ожиданія, всталъ и, хотя съ нѣкоторою поддержкою, дошелъ благополучно до города и вскорѣ выздоровѣлъ.

Угличскій купецъ Иванъ Васильевичъ Истоминъ почти весь 1852 годъ страдалъ отъ лихорадки. Болѣзнь была упорная

и не поддавалась никакимъ лѣкарствамъ. Въ крайности обратились къ отцу Петру; онъ велѣлъ больному выпить рюмку вина. Больной выпилъ и получилъ выздоровленіе.

Племянница Угличскаго гражданина Ал. Ив. Русинова дѣвица Марія нечаянно заболѣла припадками нервнаго разстройства, часто кричала, убѣгала, куда попало, наводила страхъ на знающихъ ее; въ такой болѣзни она мучилась лѣтъ семь или восемь. Однажды припадки больной до такой степени усилились, что она лежала безъ памяти. Сжалившись надъ болящей, братъ ея родной, имѣвшій глубокую вѣру въ старца, пошелъ къ нему съ просьбою о помощи. Старецъ сказалъ: «Марья не пропадетъ» и, давши палочку, прибавилъ: «напой больную чайкомъ, а этой палочкой помѣшай налитую чашку, и больная будетъ здорова». Пришедши домой, нашелъ онъ больную почти безъ чувствъ и, помѣшавши принесенною палочкою налитую чашку чаю, съ большимъ принужденіемъ заставилъ больную выпить предложенный чай. Больной тогда же сдѣлалось легче; въ скоромъ времени избавилась она отъ болѣзни и стала совершенно здорова.

Родной племянникъ ихъ Александръ, бывши еще младенцемъ, сильно заболѣлъ; его лѣчили въ теченіе мѣсяца, но лѣкарства не помогали. Тогда дядя младенца, ранѣе позаботившійся о болящей сестрѣ, взялъ младенца на руки и, не говоря ни слова, понесъ его въ Іерусалимскую слободу и просилъ старца помолиться о его здоровьѣ, а ручку батюшкову положилъ ему на головку. Вскорѣ затѣмъ старецъ поднялся на верхній этажъ дома; тогда принесшій больного младенца посадилъ его на постель старцеву съ полною вѣрою, что отъ этого дѣйствія онъ выздоровѣетъ. Такъ и случилось. Въ продолженіе недѣли младенецъ безъ всякихъ лѣкарствъ сталъ совершенно здоровъ.

И многимъ другимъ больнымъ заочно посылалъ отецъ Петръ то кусочки дерева, то небольшія палочки съ приказаніемъ мѣшать ими въ чашкѣ, когда будутъ пить чай; и если боль-

ные имѣли надлежащую вѣру, вскорѣ же получали исцѣленіе.

По устроеніи монастыря установилась для сестеръ правильная монастырская жизнь, и отцу Петру рѣже выпадали случаи принимать духовное участіе въ дѣлахъ обители Рыбинской. Замѣтили это и сестры монастыря. Поэтому одна изъ нихъ, при посѣщеніи убогаго жилища старцева, однажды сказала ему за себя и за своихъ сестеръ за годъ до его смерти: «вы насъ оставили». Прозорливецъ отвѣтилъ на это съ благодатнымъ дерзновеніемъ: «не забуду, не оставлю», и завѣщалъ похоронить себя въ новоустроенномъ Рыбинскомъ Софійскомъ монастырѣ.

Отецъ Петръ благодатію Божіею провидѣлъ даже самое мѣсто успокоенія для своего тѣла. Вотъ что передавала многимъ лицамъ его невѣстка. Батюшка часто мнѣ говорилъ: «въ Рыбинскомъ-то монастырькѣ, какъ идешь въ соборъ то, на правой то рукѣ, больно хорошъ поповъ то домикъ». Она не понимала его словъ и возражала, что тамъ никакого поповскаго домика нѣтъ и быть не можетъ. Тогда юродивый старецъ отвѣчалъ: «полно врать; только поглядѣть то въ него придешь, такъ гривенку-то и дашь». Такія слова старца юродиваго принимались въ свое время за безсмысленный говоръ юродства, но событіе оправдало эти слова въ буквальной ихъ точности. По блаженной кончинѣ старца, на просьбу Рыбинскихъ почетныхъ гражданъ Миклютина и Баскакова о дозволеніи имъ перенести тѣло усопшаго изъ слободы Іерусалимской въ городъ Рыбинскъ, Ярославскій архіепископъ Нилъ указалъ мѣсто упокоенія почившему въ самыхъ стѣнахъ монастырскаго собора, на правой рукѣ отъ западныхъ дверей, въ особомъ, какъ бы нарочно для того приготовленномъ, притворѣ. Такъ и было поступлено. На правой сторонѣ, при входѣ въ соборный храмъ Софійскаго монастыря, дѣйствительно теперь домикъ (маленькій отдѣльный притворъ) упокоенія іерея Петра; а приходящіе чтители трудовъ и подвиговъ почившаго обыкновенно даютъ по десяти (а иногда и

болѣе) копѣекъ за совершеніе по немъ заупокойной литіи или же панихиды.

За годъ до своей смерти, отецъ Петръ сталъ часто говорить: «пора уже домой». Руководимые его совѣтами, искренно почитавшіе своего наставника, жалѣли съ нимъ разстаться; таковымъ говорилъ старецъ: «молитесь; немножко житья, и поприбудетъ свѣчками (молитвами) дѣтскими». За полгода до кончины, лѣвая рука старца и половина его организма поражены были параличнымъ состояніемъ. Для него стало тягостію принимать посѣтителей; но число ихъ, при первой вѣсти о болѣзни старца и видимо угасавшей жизни, постоянно увеличивалось. Всѣ желали получить благословеніе человѣка Божія, наставленіе для жизни, а нѣкоторые, питая въ душѣ чувства благоговѣнія и благодарности за духовную воспринятую помощь, желали быть при немъ неотлучно, чтобы, если возможно, видѣть его кончину. За нѣсколько дней до смерти, старецъ, на вопросъ одного близкаго родственника о состояніи его здоровья, отвѣтилъ: «плохо» и присовокупилъ: «приготовляй гробъ». Для кого же?—спросилъ внукъ. «Да хоть бы и для меня»,—отвѣтилъ прозорливецъ. Слишкомъ изнемогши силами, преутружденный подвигами жизни, старецъ исповѣдался, пріобщился Святыхъ Христовыхъ Таинъ, принялъ таинство елеосвященія, но не пожелалъ врачебныхъ пособій, и вновь изъявилъ желаніе быть погребеннымъ въ Рыбинскомъ Софійскомъ монастырѣ. При послѣднемъ мирномъ и тихомъ вздохѣ, онъ сдѣлалъ одно движеніе лѣвою ногою, какъ бы переступилъ ею одинъ шагъ. Подвижникъ скончался 3 сентября 1866 года.

Скорбная вѣсть о смерти подвижника быстро облетѣла городъ и всѣ окрестныя селенія; люди всѣхъ званій и состояній спѣшили ко гробу воздать послѣдній долгъ усопшему. Какъ велико было стеченіе народа, можно судить по тому, что пѣніе панихидъ не умолкало въ теченіе цѣлыхъ шести дней. Силы двухклирнаго мѣстнаго причта оказались недо-

статочными для отправленія непрестаннаго пѣнія; каждый день являлись въ помощь городскіе и сельскіе священники и совершали пѣніе панихидъ по просьбѣ непрестанно смѣнявшихся пришельцевъ. Всѣ присутствовавшіе при гробѣ старца плакали о немъ, какъ о самомъ близкомъ родственникѣ, и считали утрату его для себя незамѣнимою. Особенно скорбѣли граждане города Углича, считавшіе отца Петра своимъ сочленомъ, привыкшіе къ нему обращаться и въ радости, и въ горѣ, и въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ жизни за добрымъ совѣтомъ, и неутѣшно плакали, когда услышали, что почитаемый ими старецъ отходитъ отъ нихъ навѣки въ отдаленный городъ Рыбинскъ. Не замедлили прибыть сюда и бывшіе строители Софійскаго монастыря: Рыбинскіе купцы Андрей И. Миклютинъ и Николай Θок. Баскаковъ; они явились, чтобы исполнить волю почившаго, затѣмъ отправились въ Ярославль, губернскій и епархіальный городъ, ходатайствовать о дозволеніи перенести тѣло усопшаго, и вновь прибыли въ Угличъ распорядиться отправленіемъ тѣла къ мѣсту его вѣчнаго упокоенія. Отпѣваніе совершенно на шестой день по смерти, при участіи двухъ архимандритовъ, игумена, соборнаго протоіерея и всего угличскаго монашествующаго и бѣлаго духовенства. Въ седьмой день, когда получено разрѣшеніе начальства на перенесеніе усопшаго въ Рыбинскъ, духовныя власти посыпали тѣло перстію въ знакъ преданія его землѣ, при чемъ не нашли никакого измѣненія въ почившемъ, а только почувствовали ароматный холодъ, исходившій отъ тѣла. Гробъ праведника задѣланъ въ нарочито-приготовленный ящикъ и во всемъ слѣдованіи до Рыбинска сопровождаемъ былъ духовнымъ отцомъ, родственниками и многими изъ почитателей усопшаго подвижника. Въ слободѣ Іерусалимской массы народа не дали впрячь лошадей для везенія погребальной колесницы, а повезли на себѣ чрезъ всѣ улицы города Углича при колокольномъ звонѣ, въ предшествіи всего городского

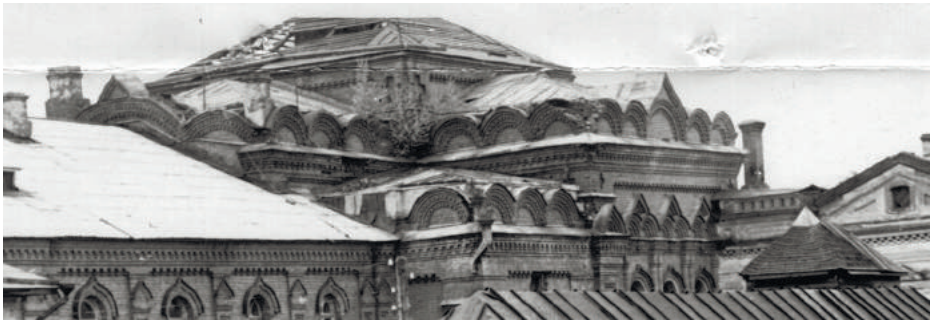
духовенства. Отъ Углича до Рыбинска на всемъ пути выражалось почтеніе къ старцу литіями при каждой сельской церкви. Въ монастырскомъ Софійскомъ соборѣ тогда собралось все Рыбинское городское духовенство и встрѣтило гробъ отца Петра съ крестнымъ ходомъ. Протоіерей Рыбинскаго собора Родіонъ Путятинъ, извѣстный проповѣдникъ, привѣтствовалъ усопшаго своимъ задушевнымъ словомъ, въ которомъ высокими чертами обрисованы подвиги почившаго и великій даръ его прозорливости. Онъ говорилъ: «отецъ Петръ былъ одаренъ прозорливою дальновидностію; онъ зналъ, что кому сказать; зналъ, когда предъ кѣмъ ему молчать, когда и при комъ ему говорить; и потому-то онъ и молчаніемъ своимъ говорилъ поученіе, и отказомъ своимъ давалъ вразумленіе. При такой прозорливой дальновидности, онъ всегда, можно сказать, днемъ и ночью, имѣлъ въ мысляхъ одно, чтобы всякаго приходящаго чему-нибудь научить, чѣмъ-нибудь вразумить, какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь утѣшить, успокоить. Оттого то онъ мало говорилъ, а больше молчалъ, слушая и обдумывая. Дальновидныхъ людей на свѣтѣ немало; но тѣ, далеко видящіе, смотрятъ въ даль для того, чтобы какъ-нибудь поскорѣе, прежде другихъ себѣ что получить, себѣ пріобрѣсть, для себя чѣмъ воспользоваться, завладѣть. А покойный отецъ Петръ, забывая себя и все, зорко всматривался во все, крѣпко вслушивался всегда для того только, чтобы другимъ что понужнѣе, пополезнѣе сказать, другихъ повѣрнѣе какъ вразумить, наставить, поскорѣе утѣшить, получше успокоить. Да! своимъ забвеніемъ себя для другихъ, своею небрежностію къ себѣ ради ближнихъ,—вотъ чѣмъ онъ, при своей дальновидности, всѣхъ къ себѣ располагалъ, привлекалъ, вѣрить въ себя заставлялъ».

По совершеніи соборной панихиды, гробъ праведника опущенъ въ нарочито-приготовленный склепъ въ притворѣ Софійскаго храма, закрытъ землею и церковнымъ поломъ къ великой радости сестеръ обители. Не говоря о жителяхъ го-

Фото следственного изолятора 1960-х годов

Перестроенный из Софийского собора производственный корпус

Обезглавленный храм иконы Богоматери «Всех скорбящих Радосте»

Камеры для заключенных в бывшем сестринском корпусе

рода Углича съ его уѣздомъ, которые и до днесь посѣщаютъ Софійскій монастырь и долгомъ для себя поставляютъ помолиться надъ гробомъ своего духовнаго наставника, — многіе богомольцы изъ другихъ городовъ и селеній, съ вѣрою въ молитвенную за себя помощь почившаго, притекаютъ къ его гробу и получаютъ на себя благодатныя знаменія, а больные, съ вѣрою призывающіе имя его, пріемлютъ даръ исцѣленія отъ недуговъ своихъ.

Изъ такихъ случаевъ благодатнаго исцѣленія отъ болѣзней при гробѣ подвижника, всѣмъ особенно извѣстны два.

Князь Николай Васильевичъ Ухтомскій въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ былъ боленъ водянкою. Когда болѣзнь его усилилась и со дня на день страшила его скорымъ приближеніемъ смерти, ночью, во время сна неожиданно онъ видитъ явившагося ему отца Петра, который обѣщалъ ему выздоровленіе, если тотъ пообѣщается придти къ его гробу. Больной, едва переводя дыханіе, на другой же день пришелъ въ Софійскій монастырь и помолился при гробѣ старца. Возвратившись домой, онъ почувствовалъ, что кожа на немъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лопнула, и изъ трещинъ ея заструилась вода. Послѣ того князь выздоровѣлъ и жилъ еще два года, не страдая прежнею болѣзнію.

Лѣтъ двадцать тому назадъ была въ Софійскомъ монастырѣ одна богомолка странница и просила показать портретъ погребеннаго въ притворѣ храма отца Петра. Когда показали странницѣ той изображеніе старца, она, взглянувъ на него, затряслась всѣмъ тѣломъ и, залившись слезами, упала предъ нимъ на колѣни. Затѣмъ, нѣсколько успокоившись, вотъ что передала она вслухъ всѣхъ бывшихъ въ храмѣ Божіемъ: была я больна болѣе десяти лѣтъ; болѣзнь мою не могли опредѣлить и врачи. У меня была страшная слабость во всемъ тѣлѣ, и я невыносимо тосковала. Однажды, помоливши Богу, легла я въ постель, заснула или нѣтъ, того не знаю, но вдругъ поражаюсь видѣніемъ: предо мною

стоитъ старецъ, весь въ бѣлой одеждѣ. И я не успѣла еще придти въ себя, какъ старецъ взялъ мою руку и успокоительно сказалъ мнѣ: «не бойся, отнынѣ ты здорова». Видѣніе окончилось, но кто былъ старецъ, я не знала. Благодарная за ниспосланное исцѣленіе отъ болѣзни, хожу я по городамъ и обителямъ иноческимъ два года; была въ Кіевѣ, Москвѣ, у чудотворцевъ Соловецкихъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, но изображенія такого, какъ этотъ старецъ, не находила. Теперь же труды мои окончились; я нашла того старца, котораго такъ долго искала *).

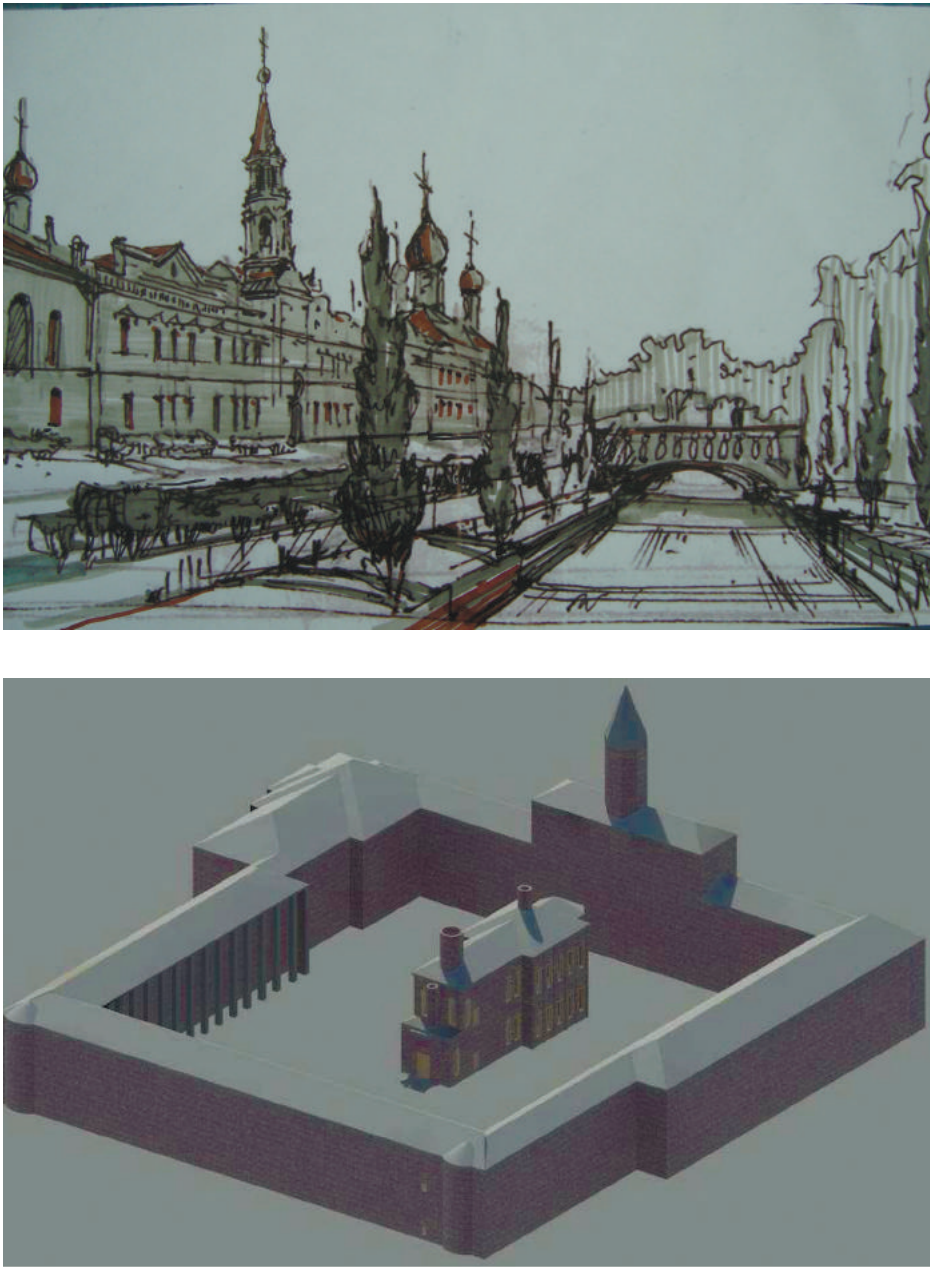
Софийский собор Рыбинского монастыря,
в котором покоились мощи блаженного иерея Петра
Снимок нач. XX в.

*) Жизнь и дѣянія прозорливаго старца отца Петра Томаницкаго, заштатнаго священника въ слободѣ Входо-Іерусалимской, близъ города Углича. (Прот. о. Флегонта Морева). Рыбинскъ. Типо-Литографія Фалькъ, 1894 г. и № 1 „Церк. Вѣд.“ 1889 г.

Софийский монастырь сегодня

Фрагменты эскизного проекта восстановления Софийского монастыря (Автор - Анастасия Тарханова)

Адрес Софийского монастыря: Шоссейный переулок, 4, Рыбинск, Ярославская область, 152919

Телефон: 8 (905) 630-56-72

Сайт: sofiyskiy-monastyr.ru

Фото на обороте обложки: *Восточный корпус Рыбинского Софийского женского монастыря и колокольня. Фото начала XX века*

Игумения Софийского монастыря Серафима (Бубёнова)

Руины храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте»

Молебен в храме в честь 155-летия основания монастыря

Субботник по приведению в порядок территории монастыря

Монастырская звонница

Интерьер храма святой великомученицы Анастасии Узорешительницы

Епископ Рыбинский и Даниловский Вениамин совершает чин освящения памятника священнику Петру Томаницкому и мемориальной доски в честь благотворителя Андрея Миклютина 16 августа 2018 г.

МИКЛЮТИНУ
Андрею Ивановичу
строителю
СОФИЙСКОГО

Издание Софийского женского монастыря
города Рыбинска
2018 год